

БАРЫШНИКОВА Т. А.

МОДЕЛЬ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЧАСТНОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ГАЗЕТЕ «КАЗАК»

В статье рассматривается исторический опыт частной провинциальной газеты начала XX века по созданию двусторонней коммуникации за счет писем в редакцию и, как следствие, активизации процессов самоидентификации местного населения.

Ключевые слова: частная провинциальная газета, дореволюционная печать, локальная идентичность, самоидентификация.

Baryshnikova T. A.

The model of local identity in the private provincial newspaper «Kazak»

The author studies historical experiment of the private provincial newspaper of the beginning of the 20th century on creation of bilateral communication at the expense of letters in edition, and as a result, activization of processes of self-identification of local population considered.

Keywords: private provincial newspaper, the pre-revolutionary press, local identity, identity.

Социокультурный феномен идентичности российского социума является актуальной научной проблемой современных междисциплинарных исследований. Изучая социальную, этническую, территориальную идентичности, ученые сходятся на том, что в процессе самоопределения большое значение имеют СМИ. Распространенная форма односторонней коммуникации, когда модель идентичности навязывается аудитории искусственно, оставляет без движения механизмы самоидентификации. Форма двусторонней коммуникации запускает процесс самоопределения, привлекая зрителей, читателей к диалогу, совместному созданию информационного продукта благодаря возможностям интерактивных жанров журналистики.

Предметом данного исследования является формирование локальной идентичности жителей малого провинциального города начала XX века (Миасского завода Троицкого уезда Оренбургской губернии) при участии местной газеты «Казак» (1910–1913). Ее редакция призывала своих читателей (без различия сословий, социального и имущественного положения) участвовать в деле издания газеты, присылая письма и корреспонденции. Судя по тому, что рубрика «Письмо в редакцию» присутствовала почти в каждом номере газеты, недостатка в них не было. Адресанты проживали, как правило, в Миасском заводе и писали о местных проблемах благоустройства, образования, медицины и т. д. Публичная коммуникация подключала ментальные механизмы осмысления того пространства, с которым они себя идентифицировали, его природно-климатических особенностей и географического положения, истории заселения и освоения.

Следует отметить, что представления местного населения о «своей» территории не совпадали с официальными границами региона Оренбургской губернии. Е. В. Дзякович считает подобные расхождения ментальной оппозицией локальной и региональной идентичностей: «Актуализация данной оппозиции свойственна государствам с обширной территорией, различающейся по своим климатическим условиям, с различным этно-языковым, конфессиональным составом населения, а также неоднократно менявшимся в течение ряда эпох административным членением» [3, с. 56]. В пределах одного региона возможны существенные геоклиматические различия, особый характер заселения и освоения, диалектные и фольклорно-этнографические особенности.

В начале XX века Миасский завод был сельским поселением, относившимся к Троицкому уезду Оренбургской губернии. Но в силу большой отдаленности от губернского и уездного центров жители Миасского завода не ассоциировали себя с троичанами или оренбуржцами. И Троицк, и Оренбург были основаны в степной зоне как крепости, казацкие форпосты для защиты южных рубежей страны от набегов киргиз-кайсаков. В дальнейшем эти города развивались как ремесленные и торговые центры. Миасский медеплавильный завод возник в густых, труднопроходимых лесах, в окружении гор. Коренным народом на этих землях были башкиры, а для работы на заводе были выписаны крестьяне из центральных областей России. В XIX веке Миасс стал центром золотодобычи. Особенности освоения этой территории, специфический уклад жизни старателей обусловили формирование местного уникального социокультурного континуума. Поэтому мы можем говорить о существовании отдельной локальной идентичности Миасского завода, которая нашла отражение в местном дискурсе газеты «Казак». Анализ писем и заметок, касающихся разных сфер жизни миассцев в 1910–1913 гг., позволил выявить некоторую условную модель их самоидентификации, состоящую из контрастных пар компонентов: «золото–грязь», «просвещение–тьма», «здоровоохранение–антисанитария», «общественная работа–болото», «газета–сплетня». Компоненты из левой части – это темы, которые выносил на обсуждение редактор газеты «Казак», из правой – рефлексия жителей Миасского завода, результат их самоидентификации.

Одно за другим поколения миасских старателей вырастали на преданиях отцов о крупных золотых самородках, найденных счастливыми в окрестностях Миасса, верили в легенды о том, что золотая жила открывалась только избранным. Авторы писем в редакцию газеты «Казак» отмечали нелюдимость старателей: «Суровые люди, скрытные. Хмурые лица, осторожные разговоры. Каждый живет сам для себя, зверем смотрит на другого» [5, с. 2]. Миасский сельский житель отличался тем, что не возделывал землю, а охотился за ее богатствами, поэтому не замечал грязи, не обращал внимание на состояние своего жилища, был небрежен в быту.

Авторы набросков и очерков о «золотом Миассе» старались подчеркнуть этот контраст золота и грязи: те, кому суждено держать в своих руках самый красивый металл в мире, не знали элементарных эстетических законов. Им было

недоступно понимание красоты, поскольку они привыкли жить в грязи. В руках миасского старателя даже золото выглядело «тускловатым» [7, с. 3].

Грязь сопровождала миасское золото от начала до конца – от добычи его из недр земли до продажи скупщикам: «На грязном прилавке, где уродливо приютились в углу торговые весы, стояли четверть ведра водки, нарезанная соленая капуста на тарелке и стаканчик, на другом конце прилавка виднелись маленькие золотовесные весочки с гирями, а за прилавком довольно дородная женщина, покупавшая золото у стоявших мужичков» [7, с. 3]. Контрастная пара «золото–грязь» оказывалась актуальной и в описании Миасса. Село под названием Миасский завод сравнивалось со знаменитой Венецией, когда во время ненастной погоды немощные миасские улочки утопали в грязи [9, с. 2].

В статьях, заметках и письмах на тему образования главный акцент делался на просвещении местных жителей, которые не спешили менять привычный порядок жизни и считали, например, что «уличное освещение, без которого не могут обходиться изнеженные европейцы, это пустая прихоть и неразумная трата денег, обременяющая плательщика и дохода не приносящая» [6, с. 1].

В письмах в редакцию вскрываются проблемы антисанитарии, отсутствия какой-либо культуры здоровья, личной гигиены среди миасских обывателей начала XX века: «Весной грязь и зловония невыносимы; недаром маньчжурцы говорят, что грязь такая есть в Миассе да в Маньчжурии, но вину в этом Сидор валил на Петра, Петр на Ивана и т. д.» [4, с. 1].

Подъем общественных сил, направленных на изменение жизни в Российской империи, был противопоставлен безразличию миассцев к этим процессам. Общественной работе, которую осуществляли члены Вольного пожарного общества, оказывалось недоверие обывателей завода: «Несмотря на то, что пожары представляют собой общественное бедствие, посторонние лица, принимавшие участие в пожаре, требуют вознаграждения за свой труд и довольно приличное. Стыдно брать деньги за то, что мы спасаем жизнь ближнего в критическую минуту» [8, с. 3]. Позицию большинства характеризуют образы «тины обывательщины» и «болота».

Сплетня была главным оружием в руках провинциального общества против газеты. «Победить людские предрассудки, недоверие, заставить сознать пользу газеты для населения – дорогого стоит для молодой газеты» [1, с. 2], – писал редактор-издатель П. Д. Захаров в конце первого года выпуска «Казака». Но чем дольше он имел дело с «царством сплетни», тем больше убеждался, что ее невозможно искоренить: «Сплетня здесь царит повсюду: и в хоромах богача, и в землянке нищего. Ей уделяют большую часть свободного времени и интеллигент, и кабатчик, и извозчик, и рабочий...» [2, с. 3]. «Сплетни, мелкие личные дрязги здесь достигают самых громадных размеров. Подобные вещи, как рассказ «о собаке о двадцати головах», здесь можно слышать почти каждый день» [4, с. 1].

Таким образом, материал частных провинциальных газет дореволюционной России служит ценным источником для восстановления моделей идентичности

населения регионов. В результате двусторонней коммуникации на страницах газеты «Казак» происходило поддерживаемое редакцией осмысление местным населением своей уникальности, территории и условий проживания. Следствием самоидентификации являлось формирование локальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. К уходу К. В. Звездина // Казак. 1911. № 71. 20 июля. С. 2.
2. Миасская жизнь // Приуральское слово. 1912. № 4. 1 мая. С. 3.
3. Дзякович Е. В. Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов : дис. ... д-ра культурологии. Москва, 2001.
4. [Захаров П.] К моменту // Казак. 1911. № 1. 1 дек. С. 1.
5. Михайловский С. Золотой Миасс // Казак. 1911. № 63. 29 июня. С. 2–3.
6. Обыватель. Миасс // Казак. 1912. № 20. 27 янв. С. 1.
7. Приезжий. Письмо в редакцию // Казак. 1911. № 25. 13 марта. С. 3.
8. Прохожий. Помощь населения при пожарах // Казак. 1911. № 45. 12 мая. С. 3.
9. Свой. Миасский завод // Казак. 1913. № 1. 4 янв. С. 2.